

ПРОВИНЦИАЛИЗМ СТОЛИЦЫ
И СТОЛИЧНОСТЬ ПРОВИНЦИИ

ВИЗАНТИЙ И ВИЗАНТИЯ •

ВИЗАНТИЙ И ВИЗАНТИЯ

ПРОВИНЦИАЛИЗМ
СТОЛИЦЫ
И СТОЛИЧНОСТЬ
ПРОВИНЦИИ

НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЪЯНС

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY
HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
FACULTY OF HUMANITIES

BYZANTION AND BYZANTIUM:
THE PROVINCIALISM OF THE CENTER
AND THE CENTRALITY OF THE PROVINCES

Ed. by
S. Ivanov and A. Vinogradov

Saint-Petersburg
ALETHEIA
2020

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
ФАКУЛЬТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ВИЗАНТИЙ И ВИЗАНТИЯ:
ПРОВИНЦИАЛИЗМ СТОЛИЦЫ
И СТОЛИЧНОСТЬ ПРОВИНЦИИ

Под редакцией
А. Виноградова и С. Иванова

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2020

УДК 94(495)
ББК 63.3(0)4
В 428

Рецензенты:

доктор исторических наук *Т. В. Куц*
доктор исторических наук *Р. М. Шукуров*

В 428 Византий и Византия: провинциализм столицы и столичность провинции / под ред. А. Виноградова, С. Иванова. – СПб.: Алетейя, 2020. – 000 с.: ил.

ISBN 978-5-00165-031-7

Сборник «Византий и Византия: столичность провинции и провинциальность столицы» посвящен проблеме взаимоотношений и взаимовлияний Константинополя и византийских провинций и составлен на основе докладов одноименной конференции 2017 г. В сборнике представлены работы ведущих мировых исследователей из России, Германии, Великобритании, Италии, Греции и Турции. Статьи сборника затрагивают вопросы политической истории, архитектуры, живописи, литературы, топографии и др. Предназначен для специалистов по Византии и всех интересующихся Средневековьем.

Byzantion and Byzantium: the provincialism of the center and the centrality of the provinces / Ed. by S. Ivanov and A. Vinogradov. – Saint-Petersburg: Aletheia, 2020. – 000 p.: ill.

This volume contains papers from the conference with same title organized by the Centre of Medieval Studies of the National Research University Higher School of Economics, October 23—27, 2017, Moscow. To us Byzantium looks like a tadpole with an overgrown head; but was Constantinople the only source of all cultural impulses in the Empire? How did the provinces influence the life of the megapolis on the Bosphorus? The papers of the conference attempt to look simultaneously at two oppositely directed processes: the spread of metropolitan fashions to the periphery, and the emergence of the provincial traits in the capital itself.

На передней стороне обложки: Парэкклисий в монастыре св. Иоанна в Акаллисе (Ликия). Фото Ф. Нивёнера.

На задней стороне обложки: Пророк из Вознесения.
Мозаика Св. Софии в Салониках. Фото Р. В. Новикова.

ISBN 978-5-00165-031-7

9

785001650317

УДК 94(495)
ББК 63.3(0)4

© Коллектив авторов, 2020

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2020

Предисловие

Заглавие сборника «Византий и Византия: провинциализм столицы и столичность провинции», как и тема одноименной конференции, которая проходила 24–25 октября 2017 года в Лаборатории медиевистических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Москве, может на первый взгляд показаться парадоксальной.

Византия — это условное название, принятое в Новое Время для обозначения грекоязычной Восточноримской Империи периода Средневековья. Сами «византийцы» свою страну никогда так не называли. Византием именовался античный город, выбранный в начале IV в. императором Константином Великим в качестве новой столицы и окрещенный Константинополем. Итак, слово «Византий» вроде бы не подходит для обозначения средневековой империи ни по географическим, ни по хронологическим параметрам.

И все-таки перед нами — не просто ученое недоразумение.

Прежде всего, константинопольские интеллектуалы, обожавшие античную стилизацию, и сами иногда именовали свой город Византием, да и вся византийская культура жила, словно обернувшись лицом назад. Интересный опыт обобщения такого подхода к городскому прошлому представляет собой статья Альбрехта Бергера. Прослеживая случаи вторичного использования старых строительных

материалов при возведении новых построек в Константинополе, автор раскрывает возможные идеологические коннотации этой вынужденной практики.

Другая причина, почему имена страны и города совпали, состоит в том, что нет в истории другого примера, когда столица до такой степени подминала бы под себя собственную страну, заставляя ее даже ассоциироваться с собой. Роль Константинополя в жизни Византии нельзя сравнить даже с ролью Рима в древнеримской истории: античная Империя была страной полисов, каждый из которых жил как самодовлеющая вселенная. А централизованная Византия, особенно после утраты в VII в. Антиохии и Александрии и в VIII в. Рима, вся целиком вращалась вокруг собственной столицы. К примеру, в IX в. даже во втором по величине городе Империи, Фессалонике, Константину Философу, будущему просветителю славян, не у кого было учиться — за учебой пришлось ехать в столицу. И по мере того как территория Византии скукоживалась — роль Константинополя только возрастала. Интересно взглянуть на то, как воплощалась в архитектуре столицы имперская идея, и об этом — статья Халюка Четинкая. Автор подводит итоги многолетних реставрационных изысканий в одном из самых величественных храмовых комплексов XII в. — Пантократоре и выдвигает оригинальную концепцию того, как выглядела находившаяся там усыпальница династии Комнинов, конструировавших новую имперскую идентичность столицы.

Царьград был центром притяжения не только для Империи, но и для стран византийского круга. Паломники шли сюда, словно в Святую землю. Статья Сергей Иванова посвящена первому из древнерусских «хождений» — «отчету» Антония Новгородца. Недавнее первое критическое издание этого выдающегося памятника позволяет совершенно по-новому ставить вопрос о соотношении паломнического взгляда на Царьград — и того имиджа столицы, который создавал у новгородского «туриста» византийский экскурсовод.

В круг имперского влияния входила и Венеция. Тому, как Византия вплеталась в идеологический дискурс республики св. Марка в период ее наивысшего могущества, посвящена работа Беатриче Даскас. Если на ранних этапах скалдывания венецианской политической мифологии важно было подчеркивать (вопреки фактам) независимость от Империи, то позднее показалось выигрышнее выводить историю Серениссимы из Трои и тем самым привязывать ее к византийской, но уже с тонами превосходства.

Впрочем, данный сборник посвящен не только и даже не в первую очередь собственно Константинополю. Скорее, главный упор в нем сделан как раз том аспекте, который часто остается в тени — самостоятельной жизни византийской провинции. Кажется, что роль столицы невозможно преувеличить — и однако она неизбежно преувеличивается в глазах исследователей, просто потому, что подавляющее большинство литературных текстов, дошедших до нас, произведено в Константинополе. Византий неизбежно и автоматически принимается за точку отсчета при любом разговоре о Византии. Но остальная империя все-таки жила своей жизнью, и подчас это провинция управляла столицей, на что обращает внимание в своей статье Пол Магдалино. На примере императора Маврикия, каппадокийца по происхождению, автор демонстрирует, как провинциальная элита делает столичную карьеру благодаря успехам своих земляков, и как элита константинопольская этим недовольна.

Дмитрий Черноглазов в своей статье прослеживает, как эволюционировали византийские письмовники: от сборника риторических упражнений, восходящего к Либанию, великому сыну Антиохии, к константинопольскому эвистоллярному этикету, который потом распространился вплоть до пост-византийского Кипра.

Иногда процессы, которые шли в провинции, определяли то, что потом находило развитие в столице, а иногда одна

провинция влияла на другую, через голову Константинополя. В последнее время важной темой в изучении Византии, особенной ранней, стала проблема регионализма. На уровне зодчества, литургической планировки и архитектурной декорации ее пытается решить в своей статье Филипп Нивёнер. Он показывает, что в этой области провинции находились даже под меньшим влиянием центра, чем в политическом, а локальные метрополии были для провинциальных городов важнее, чем Рим или Константинополь. Как оказывается, такой подход позволяет по-новому посмотреть даже на такую проблему, как начало иконоборчества.

Тема взаимосвязи и взаимодействия Константинополя и провинций находится в центре статьи Андрея Виноградова. Автор предпринимает попытку продемонстрировать, как тип крестово-купольного триконха, попав, вероятно, из позднеантичной архитектуры в омейядские дворцы, повлиял затем на константинопольские постройки императора Феофила, а те, в свою очередь, — на храмовое зодчество Малой Азии, Балкан и даже Руси. Так удается проследить весь путь от парадного зала римской виллы до стандартного афонского кафоликона.

Та же тема, но совсем на другом материале, раскрывается в статье Анны Захаровой, посвященной влиянию Константинополя на каппадокийскую монументальную живопись X века. Обычно исследователи столичного искусства не нисходят до грубых провинциальных фресок, а ученые, занимающиеся искусством Каппадокии и осознающие его более скромный уровень, концентрируются на изучении иконографии. Здесь же, напротив, предпринята попытка показать, как сменяющие друг друга художественные стили столицы последовательно отражались в пещерных церквях Каппадокии, которые, в свою очередь, становились местными образцами для подражания.

Каппадокийскую тему подхватывает статья Толги Уяра, но уже в контексте XIII века — эпохи сельджукского господ-

ства в Малой Азии. На примере скромной по размеру пещерной церкви Безирана Килисе автор старается понять, как конструировалась идентичность местных греков под властью мусульман. Для этого в статье использован язык новейших направлений искусствоведения, еще мало знакомый отечественному читателю.

В статье Михалиса Каппаса фокус исследования нацелен также на провинцию, но не рядовую — на Фессалонику, второй по значению город империи. Искусно лавируя между Сциллоу «идеального» константинопольского зодчества и Харибдой «элладской школы», автор приводит читателя к важному и новому выводу — конечно, средне- и поздневизантийская Фессалоника испытывала влияние столицы, но перерабатывала его в рамках собственных архитектурных традиций и сама становилась источником заимствований для Северной Греции и, шире, Балкан вообще.

Так как настоящая книга посвящена во многом визуальной культуре Константинополя и провинций, ее сопровождают многочисленные рисунки и фотографии. Все они имеют новую нумерацию в каждой статье: черно-белые обозначены как «рис.» и размещены в тексте, а цветные — как «илл.» и вынесены на отдельную вклейку. Подписи к иллюстрациям отражают авторский замысел.

Перед тем как дать слово самим авторам, хотелось бы подчеркнуть, что и конференция, и сборник изначально задумывались как междисциплинарные, объединяющие усилия специалистов в различных областях византийской цивилизации: истории, литературы, архитектуры, живописи, литургики. Каждый из них под своим углом зрения пытался посмотреть не только на проблему взаимоотношений Византия и Византии, Константинополя и провинции, но и на вопрос о том, насколько всегда столичен был Константинополь и насколько локальные центры сами могли претендовать на его роль. Удалось ли увидеть им что-то новое в этой необъятной теме, судить читателю.

Беатриче Даскас

**«VENETIA HEBBE PRINCIPIO PER LA
DESTRUTION DELLA GRANDE TROGIA».
МИФ О ВЕНЕЦИИ КАК
ALTERUM BYZANTIUM**

На протяжении столетий столица Восточной Римской империи всегда была для Венеции точкой отсчета, пусть и двусмысленной. Оглядка на Византию, обусловленная экономическими и торговыми интересами Венеции, была вызвана в т. ч. чем-то вроде восхищения перед наследником и законным хранителем древних римских традиций и власти. Какими бы конфликтными, натянутыми и холодными ни были отношения между ними, весь церемониал, обряды, некоторая пышность художественного стиля в сочетании с красноречивыми формами репрезентации власти демонстрируют, насколько решающим был импульс из Константинополя, определивший гражданскую и культурную идентичность Венеции в ключевые моменты ее формирования в Средние века. Ученые неоднократно изучали эти отношения, раскрывая, с одной стороны, всевозможные аспекты венецианского византизма, а с другой, *rayonnement de Venise* в Леванте. Для реализации цели, поставленной в настоящей работе, я хотела бы остановиться на одном

аспекте, связанном с легендами о происхождении города, которые были разработаны в венецианской интеллектуальной среде. Этот аспект, насколько мне известно, не привлекал внимания исследователей, несмотря на его важность в прояснении идеологической связи между Венецией и Константинополем или, если использовать известную виссарионовскую формулу, в символическом отождествлении Византии с *alterum Byzantium*¹.

**Историческое происхождение Венеции
и развитие гражданского самосознания**

В феноменологии так называемого мифа о Венеции, том почти неисчерпаемом репертуаре легенд, которые сочинялись на протяжении веков венецианскими историографами и панегиристами с целью выдумать прошлое города, эпоха первоначального поселения занимает центральное место². Легенды, прослеживающие происхождение древних поселенцев венецианского архипелага, разрабатывались бок о бок со сказаниями, объясняющими, когда и почему эти поселенцы покинули материк, чтобы жить среди негостеприимных болот лагуны. Одна из традиций в этих сказаниях

Работа выполнена в рамках проекта MYRICE при финансовой поддержке European Union's Horizon 2020 research and innovation programme under the Marie Skłodowska-Curie G.A. no. 745869.

¹ В знаменитом послании 1468 г. венецианскому дожу Виссарион Никейский описал город как «почти второй Византий» (*quasi alterum Byzantium*). Это письмо, содержащее акт дарения библиотеки Виссариона Венеции, опубликовано в: *Labowsky L.* Bessarion's library and the Biblioteca Marciana. Rome, 1979. P. 147–149.

² Подробнее о мифе о Венеции см.: *Fasoli G.* Nascita di un mito // *Studi storici in onore di Gioacchino Volpe per il suo 80° compleanno* (Biblioteca Storica Sansoni. Nuova ser.; 1). Firenze, 1958. P. 447–479; *Gaeta F.* Alcune considerazioni sul mito di Venezia // *Bibliothèque d'Umanisme et Renaissance*. Vol. 23. Genève, 1961. P. 58–75; *Idem.* L'idea di Venezia // *Storia della cultura veneta* / Ed. by G. Arnaldi, M. Pastore Stocchi. Vol. III/3. Vicenza, 1981. P. 565–641; *Miur E.* Civic ritual in Renaissance Venice. Princeton, 1981. P. 13–62.

приписывает венецианцам галльское происхождение, в то время как другая линия горделиво настаивает на их происхождении от троянцев. Согласно последней традиции, горстка троянцев во главе с мудрым советником царя Приама Антенором нашла убежище в лагуне после разграбления и разрушения их города. Легенды о древнейшем происхождении Венеции — наряду с несколькими версиями мифа о христианизации Аквилеи и ее окрестностей апостолом Марком¹ — разрабатывались для идеологических и политических нужд Венеции на протяжении ее истории. В этой перспективе галльское происхождение венецианцев, сформулированное в гуманистической историографии, — мы находим его, например, в *Historiae rerum Venetiarum*, составленной Маркантонио Сабеллико около 1487 г., — могло указывать на близкие дипломатические связи между Венецией и Францией во времена брака Катерины Корнаро и короля Кипра Иакова II Лузиньяна (1468 г.)². Подобным же образом легенда о троянском происхождении города включает в себя на протяжении столетий те элементы, которые свидетельствуют, как город концептуализирует себя по отношению к внешнему миру. Впрочем, прежде чем приступить к анализу этой легенды, прежде чем понять, какое значения она имела для символического отождествления Венеции с *alterum Byzantium*, мы должны рассмотреть ее гражданское «самосознание». Как венецианцы размышляют о своем городе и как взаимодействуют с окружающим миром, как классифицируют его?

В своей репрезентации города венецианские хронисты сходятся в двух неизменных вещах. Во-первых, они подчеркивают его изначальную свободу и независимость. Эта

¹ Peyer H. C. Stadt und Stadtpatron im mittelalterlichen Italien (Wirtschaft, Gesellschaft, Staat: Zürcher Studien zur allgemeinen Geschichte; 13). Zurich, s.a. S. 8–24; Tramontin S. San Marco // Culto dei Santi a Venezia (Biblioteca agiografica veneziana; 2) / Ed. Idem, A. Niero, G. Musolino, C. Candiani. Venezia, 1965. P. 47–58, 70–73 (там же, см. библиографию).

² Pertusi A. Gli inizi della storiografia umanistica nel Quattrocento // La storiografia veneziana fino al secolo XVI. Aspetti e problemi / Ed. I. Firenze. 1970. P. 318–319, 331.

искусственная конструкция, несомненно, неисторичная, многое говорит о менталитете и культурных механизмах, действующих в этой гражданской среде. Происхождение Венеции связано с историей позднеантичной Италии, когда город регулярно подвергался набегам германских племен, начиная с V в. и завершая низложением западного римского императора Ромула Августа в 476 г. Низложивший Ромула сам был свергнут и убит в 493 г. остготом Теодорихом, основавшим королевство в Италии. Италия была возвращена в орбиту империи в правление Юстиниана, в ходе готских войн, когда армия во главе с полководцем Нарсесом выступила из Константинополя, чтобы отвоевать полуостров. Нарсес медленно продвигался вверх по адриатическому побережью и, при поддержке прибрежных городов области *Venetia*, смог преодолеть сопротивление франков и готов и достигнуть Равенны в 552 г. К середине VI в. области *Venetia* и *Histria* вместе с остальной Италией (за исключением нескольких локальных точек сопротивления) вернулись под власть Константинополя и были вновь включены в его административную систему. Тем не менее, та безопасность, которой Италия пользовалась после византийского завоевания, была обречена на недолговечность: около 568 г. другое германское племя — лангобарды, которое примерно одновременно со смертью Теодориха (526 г.) поселилось к югу от Дуная, начало свой путь к Северной Италии. Под предводительством короля Альбоина лангобарды проникли туда через внутреннюю *Venetia* и захватили ряд городов: Аквилею, Верону, Милан, Павию, Падую. В такой ситуации многие жители материка искали убежище на островах венецианской лагуны, превратив район, ранее населенный бродячими рыбаками и соледобытчиками, в постоянное поселение. Эти общины, изолированные от внутренней *Venetia*, превратились в организованную структуру герцогства (*ducato*), которое стало частью византийского Равеннского экзархата с мо-

мента его создания в 584 г.¹ Таким образом, историческое происхождение Венеции мы должны рассматривать на фоне суверенитета Восточной империи и лояльности по отношению к Византии. Только после крушения экзархата в 751 г. город смог постепенно утвердиться в качестве автономного политического образования и претендовать на то, что его основал апостол Марк². Вплоть до конца X в. длился беспокойный период, когда *civitas Venetiarum* служила яблоком раздора между светскими и духовными властями: франками, византийцами, Святым Престолом. Постепенно она превращается, наконец, в активного игрока на европейской и средиземноморской арене, а это влечет за собой укрепление гражданского самосознания, основанного на ключевых культурных ценностях свободы и независимости.

Вторая особенность города, которую подчеркивают венецианские хроники, — его универсалистские устремления. В определенной мере это достоинство имплицитно присутствует в похвале венецианскому дальнему мореходству и торговле, которую мы находим в самых древних источниках, например, в письме VI в., адресованном Кассиодо-

¹ Подробнее об истории Венеции см.: *Cessi R. Venezia ducale, I. Le origini. Padova, 1928. P. 24–25, 30–31, 235–237; Pertusi A. L'impero bizantino e l'evolvere dei suoi interessi nell'alto Adriatico // Saggi veneto-bizantini (Civiltà veneziana. Saggi; 37) / Ed. G. Battista Parente. Firenze, 1990. P. 33–65.*

² Предание о том, что апостол Марк был отправлен апостолом Петром проповедовать в Аквилею, возможно, было известно с начала VII в., когда император Ираклий послал патриарху города так называемую *cathedra* святого Марка, признав, таким образом, апостольское достоинство за его престолом. Эта легенда появляется в источниках приблизительно в середине VIII в. (например, в *Libellus de ordine episcoporum Metensium* Павла Диакона: *Libellus de ordine episcoporum Metensium / Ed. G. H. Pertz (MGH. SS; 2). Hannover, 1829. P. 260–270*). Перенесение тела апостола Марка из Александрии в Венецию в правление дожа Джустиниано Партичиано (828/9 г.) имело решающее политическое и гражданское значение, так как создало неразрывную связь святого с городом. Подробнее см.: *Pejer H. C. Stadt und Stadtpatron... S. 8; Fasoli G. Nascita di un mito... P. 451–452.*

ром морским трибунам (*tribuni maritimum*) лагуны¹. Но только с XIII в. универсалистские устремления города достигают своего пика — с так называемым *Stato da mar*, колониальными владениями, созданными в Восточном Средиземноморье после Четвертого крестового похода (1204 г.). Возвышение Венеции к талассократии шло постепенно. Мощь города достигла поворотного момента во второй половине XI в., когда император Алексей I Комнин, испытывавший нужду в ресурсах и военных силах, прибегнул к помощи Венеции для борьбы с агрессией норманнов на далматинском побережье Далмации (в Диррахии). Наградой для венецианцев стали такие обширные и роскошные привилегии, как право беспошлинной торговли своими товарами на всей территории империи и создание постоянной венецианской колонии в районе Перамы на Золотом Роге². Резко расширив их торговые привилегии, хрисовул Алексея I (1082 г.)³ способствовал укреплению венецианской торговой монополии в Леванте, в дальнейшем только усилившейся за счет доступа к новым рынкам и портам, полученного благодаря участию города в крестовых походах. Несмотря на многочисленные перипетии, имевшие место в правление преемников Алексея, Иоанна II и Мануила I, Венеция смогла укрепить свою морскую торговлю, вплоть до

¹ *Data pridem iussione censuimus ut Histria vini, olei vel tritici species, quarum praesenti anno copia indulta perfruitur, ad Ravennatem feliciter dirigeret mansionem. Sed vos, qui numerosa navigia in eius confinio possidetis, pari devotionis gratia providete, ut quod illa parata est tradere, vos studeatis sub celeritate portare. Similis erit quippe utrisque gratia perfectionis, quando unum ex his dissociatum impleri non permittit effectum. Estote ergo promptissimi ad vicina, qui saepe spatia transmittitis infinita... (Magnus Aurelius Cassiodorus. Variarum Libri XII / Ed. A. J. Fridh (Corpus Christianorum. Series Latina; 96). Turnholti, 1973. P. 491.1–10).*

² *Nicol D. M. Byzantium and Venice: A Study in Diplomatic and Cultural Relations. Cambridge, 1988. P. 56–61.*

³ *Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit besonderer Beziehungen auf Byzanz und die Levante (Fontes Rerum Austriacarum. Diplomataria et acta; XII) / Hrsg. von G. L. Tafel, G. M. Thomas. Bd. I. Wien, 1856. S. 50–54. Nr. XXIII.*

Четвертого крестового похода, когда захват Константинополя франко-венецианской экспедицией и передел византийских территорий между ее участниками окончательно утвердил венецианское господство в Восточном Средиземноморье. В соответствии с так называемой *Partitio imperii Romaniae* и рядом последующих соглашений, Венеция получала стратегический контроль над рядом островов и портов, протянувшихся от Ионического моря через Эгейское до Проливов, и de facto превратилась в βασιλεύουσα τῶν πελαγέων¹. Такая историческая перспектива отвергает прежнюю парадигму подчинения или просто сосуществования, которая определяла отношения между городом и Византией, по крайней мере, до царствования Алексея I. Венецианские хроники реагируют на этот сдвиг тем, что смотрят на исторические события сквозь искажающую призму современности.

Легенды о происхождении Венеции. Троя, Византия, Венеция

Как ценности независимости, так и универсалистские устремления переносятся в легенды о происхождении Венеции в соответствии с риторическими стратегиями, которые отвечают ее политическим и идеологическим ориентирам. «Миф о Венеции» — та влиятельная репрезентация города, которую хроники вырабатывали столетиями, — маскирует потребность в культурных стандартах и моделях самоидентификации, которые, в свою очередь, отражали бы меняющиеся во времени устремления Венеции. В этом отношении особо примечательно сравнение Венеции с такими выдающимися городами, как Троя, Рим, Иерусалим, Афины, Спарта, — с целью поднять престиж родословной города и построить его славный путь в прови-

¹ Nicol D. M. Byzantium and Venice... P. 148–165.

денциальный план истории. В этом контексте находится место и для Византии. Византия играет самостоятельную — пускай и малозаметную — роль в образовании венецианской мифологии, по крайней мере, с XIII в. Ее там появление — предсказуемая реакция на события Четвертого крестового похода. С тех пор столица Византийской империи стала очевидной моделью для самоидентификации Венеции, и это соответствие было в дальнейшем подкреплено и юридическим определением, поскольку дож претендовал на титул *dominus quarte partis et dimidie totius imperii Romaniae* («господин четверти с половиной всей Римской империи»)¹. Мы ещё можем обнаружить влияние этой идеологической модели спустя более чем три столетия после событий крестового похода, в заметке историка Серениссимы Фортунато Олмо²:

Era dunque il Doge Imperatore romano, per ciò che dopo che da Costantino fu trasferito l'imperio da Roma vecchia a Costantinopoli, fu da lui istesso questa città detta con altro nome Roma nuova [...]. (E)ssendosi assegnata la sola quarta parte all'Imperatore, e al Doge una e mezza, era dunque più imperatore il Doge di Venezia che l'Imperatore Balduino istesso [...].”

«Таким образом, дож был римским императором, ибо после Константина императорская власть была перенесена из древнего Рима в Константинополь, и им же этот город был назван Новым Римом. Поскольку только одна четверть была назначена императору, а полторы — дожу, то дож Венеции был больше императором, чем сам император Балдуин [...].»

¹ См. ниже.

² Archivio di Stato di Venezia. Miscellanea di carte non appartenenti a nessun archivio. b. 9, 12 (изд.: Carile A. La Partitio terrarum Imperii Romaniae del 1204 nella tradizione storica dei veneziani // Rivista di Studi Bizantini e Neoellenici. N.s. 1965/1966. Vol. 2–3. P. 177).

По иронии судьбы город, изначально включённый в имперскую орбиту, требовал для себя суверенитета над βασιλεύουσα τῶν πόλεων.

Результаты крестового похода повлияли не только на венецианскую историографию, но и на мифотворчество, особенно на легенды о происхождении города. Все эти легенды приводятся в исторических хрониках в качестве пролога к рассказу о событиях венецианской истории. С самого своего начала хроники отражали высокую степень идеологизации; иными словами, они демонстрировали свойства государственной историографии: им свойственно безусловное восхваление городских институций, и они стремятся легитимировать владычество на море¹. Рассказ о происхождении Венеции имеет целью поддержку городских идеалов и насущных интересов. Таков случай *Chronicon Venetum* XI в., приписываемого Иоанну Диакону, где повествование, даже без каких-то мифологических прикрас, отражает претензии города на изначальную независимость, начиная еще с первых поселений; пользуясь легендой об апостоле Марке и манипулируя немногочисленными историческими эпизодами, хроника заявляет претензию на независимость церковной юрисдикции Венеции от ее соперницы Аквилеи². В этой ранней хронике связи Венеции с Византией неуловимы, но это справедливо и для ее отношений с франками, о которых умалчивается, поскольку фокус внимания сосредоточен на венецианских делах³.

Концепция возникновения города претерпела коренные изменения в так называемом *Chronicon Altinate* или

¹ См.: Carile A. Aspetti della cronachistica veneziana nei secoli XIII e XIV // La storiografia veneziana fino al secolo XVI. Aspetti e problemi / Ed. A. Pertusi. Firenze, 1970. P. 81.

² См.: Carile A., Fedalto G. Le origini di Venezia (Il mondo medievale. Studi di storia e storiografia. Sezione di storia bizantina e slava; 1). Bologna, 1978. P. 55–57.

³ Fasoli G. I fondamenti della storiografia veneziana // La storiografia veneziana fino al secolo XVI. Aspetti e problemi / Ed. A. Pertusi. Firenze, 1970. P. 22–25.

Chonicon Gradense, неоднородном историческом труде, дошедшем до нас в трех разных редакциях, датируемых между 1081 и 1204 гг.¹ Эта хроника первой приписывает Венеции троянское происхождение. Она представляет собой хороший пример того, как рассказ о возникновении города может быть адаптирован к насущным интересам и целям. В разделе, который относится, согласно издателю, ко второй редакции текста, датируемой приблизительно между 1145 и 1180 гг.², легенда начинается с описания *Venetia prima*, заселенной беженцами из Трои, бежавшими со своей разрушенной родины к берегам Италии. В то время как Эней плывет в Южную Италию, Антенор направляется к высокому берегу Адриатики, входя сначала в лагуну, а затем основывая на материке город Аквилею³:

Eneas cum quatuordecim galeis triremis Troia profugus
in Italiam properans, austro surgente, maris fluctus
immerguntur et ab imo gurgitis lapsi ad superiora levantur.
Galee dividuntur et socii separantur; filius a patre, frater
a fratre sequestrantur. Eneas cum quatuordecim galeis
insulam cervorum applicuit: Anthenor autem in litore
lacum intravit cum septem galeis, ibique civitatem Aquilegia
nomine, idest aquis ligata, edificavit.

Сделав акцент на одновременности миграции Энея и Антенора, повествование продолжается рассказом об основании *Venetia maritima* или *secunda* потомками троянцев, которые искали в лагуне укрытия от вторжения Аттилы. В данном контексте происхождение Венеции разрабатывалось в ключе утверждения политической независимости

¹ Изд.: Cessi R. Origo civitatum Italiae seu Venetiarum (Chronicon Altinate et Chronicon Gradense). Roma, 1933.

² Ibid. P. XXVI.

³ Ibid. P. 7.32–33.

города от любых внешних властей¹. Претензия на независимость обосновывает, почему Византии следует одарить Венецию морскими привилегиями: чтобы получать от нее военную поддержку в случае конфликтов². Хроника перекраивает историческую реальность — дарование привилегий Алексеем Комнином за верность венецианцев в борьбе с норманнами, — чтобы интерпретировать прошлое города в соответствии с идеалами венецианской независимости.

К середине XIII в. уже полностью была соткана ткань нарратива о возникновении Венеции. Здесь преобладают следующие темы: переселение и поселение троянских беженцев в *Venetiae*, проповедь ап. Марка в Венеции и вторжение царя гуннов Атиллы. Каждый сюжет развивался так, чтобы сконструировать, соответственно, древнюю историю города, легитимировать местные церковные привилегии и обосновать его «удвоение», произошедшее с основанием *Venetia secunda* в лагуне³. Начиная со следующего столетия, число венецианских хроник заметно возрастает. Историография этого периода отражает невероятное преобразование Венеции после укрепления ее морского лидерства в Восточном Средиземноморье. Легенды о происхождении города пересматриваются в соответствии с новыми гегемонистскими устремлениями. Византия, по понятным причинам замаскированная, включена в рамки гражданской мифологии Венеции. Ряд связанных между собой анонимных компиляций, косвенно восходящих к общему протографу XIII в., особенно красноречиво демонстриру-

¹ Ниже приведены красноречивые слова венецианцев, адресованные имперскому эмиссару, посланному в лагуну расследовать дурное правление Нарсеса в Италии: *Secunda Venetia, que nos orta in paludibus aque habemus, quia mirabili est habitacio videre, quod nullus in mundo nisi per navigium, cuius est potestas, nulla ob eorum sumus nos dubitaturi, nec apprehensi, nec possessuri non ab imperatore, non a regibus, nec nullis mondialibus principibus (Cessi R. Origo civitatum... P. 80.3–12).*

² *Ibid.* P. 80.22–26.

³ *Carile A., Fedalto G. Origini... P. 65.*

ют непосредственное влияние определенных исторических событий на воссоздание прошлого города. Рассматриваемые тексты принадлежат к группе хроник середины XIV в., обозначенных соответственно как *A Latina*, анонимная компиляция о событиях от основания Венеции до 1342 г., и *A volgare*, переработанный перевод на народный язык текста, близкого к предыдущему, продолженный до 1361 г.¹ Эти тексты содержат описание разделения провинций империи между участниками Четвертого Крестового похода в 1204 г. В пылких патриотических тонах они оправдывают предприятия, которые привели Венецию к невиданному ранее процветанию². Вот рассказ о мифическом происхождении Венеции:

A latina (<i>Carile A. Cronachistica</i> , P. 225.1–6)	<i>A volgare</i> (<i>Ibid.</i> P. 235.23–27)
Predecessorum nostrorum auctoritate testante equidem ante constitutionem urbis Venetiarum presentis, altera Venetia fuit de qua stilo historiographo memoriam facit antiquitas, et ab Antenore, subversionis Troie temporibus, primordium describitur assumpsisse. <u>Troie autem captivitate III^M CC VI (4206) annis a creatione mundi decursis, auctores veteres fuisse componunt.</u>	Secondo che dise e nara li nostri maçori antichi el fo do Venixie: la prima si fo quella dela qual se raxona in le antiche istorie, la qual so principio fo de Antenore e questo fo <u>in lo tempo dela destrucion dela grande Troia, la qual destrucion fo in III^M CCVI*</u> dela creacion del mundo infina quel tempo.
	* III ^M CCVI] M ^o ii ^c VI dalo comenzamento: Cod. Marc. It. VII, 2051 (= Z 8271)

¹ *A latina* (ок. 1344 г.): *Carile A. La Cronachistica Veneziana (secoli XIII–XVI) di fronte alla spartizione della Romania nel 1204.* Firenze, 1969. P. 6–7; *A volgare* (ок. 1350 г.): *Ibid.* P. 7–15.

² *Ibid.* P. 184.

Два параллельных текста, один из которых — перевод другого на народный язык, различают две *Venetiae*, одна из которых основана Антенором во времена разрушения великой Трои. В данной парадигме самой показательной деталью выглядит дата, установленная для основания города, — 4206 год от сотворения мира. Эта временная привязка создана, чтобы сохранить память о предполагаемой древней хронологии мира, чтобы обеспечить место Венеции во всеобщей истории. Впрочем, выбранная дата свидетельствует о чем-то большем, нежели простая отсылка к сотворению мира. *Lapsus calami*, содержащийся в одной из древнейших копий версии на народном языке (*A volgare*), — Cod. Marc. It. VII, 2051¹ — дает нам ключ к пониманию действительного значения этой даты. В этом списке отправная точка венецианской истории — 1206 г.: в этом году дож Пьетро Дзиани (1205–1229) впервые в официальных документах добавил к своему титулу слова *dominus quarte partis et dimidie totius imperii Romanie*, обозначая так новую эру в отношениях города с Византией². Город теперь властвует над территориями бывшей Византийской империи, и рассказ о его прошлом меняется путем включения этого нового обстоятельства в легенду о его основании. Временная привязка играет, очевидно, значительную роль в пересмотре нарратива об основании Венеции троянцами: здесь Троя становится метафорической фигурой, отсылающей к Константинополю и его разрушению во время Четвертого Крестового похода. Таким образом, троянское наследие добавляет в венецианскую кровь не только благородство воинов-аристократов, нашедших убежище в лагуне после потери своего города, но и имперские прерогативы наследников βασιλεύουσα τῶν πόλεων. В традиции этой группы хроник троянская теория идеологически нагружена

¹ Carile A. La Cronachistica... P. 235.

² Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig... S. 4.

специфическим политическим значением. Еще раз рассказ о происхождении Венеции адаптируется к переменам в политических притязаниях города, в данном случае, применительно к Византии.

На протяжении столетий взгляд Венеции на свое происхождение заключался во включении значимых моментов ее прошлого в легендарные нарративы. В течение XIV в. саморепрезентация Венеции включает в себя новые гегемонистские амбиции города в качестве морской державы Восточного Средиземноморья. Соответственно, перестраивается и мифологический нарратив, и Константинополь, естественная референтная модель для города после 1204 г., встроен в мифологический план, но скрыт путем искусных риторических ухищрений. Хотя венецианская самоидентификация с Византией обычно считается изобретением Кватроченто, когда город мог претендовать на прямое наследование политическому и культурному величию Восточной Римской империи после ее исчезновения в 1453 г.¹, венецианские хроники ясно демонстрируют зачатки этой традиции на полстолетия раньше, как последствие событий Четвертого Крестового похода. Итак, мы можем отметить эту точку как критически важную для первичного осознания венецианской коммуны себя как *alterum Byzantium*.

¹ Подробнее см.: Tafuri M. La "Nuova Costantinopoli". La rappresentazione della "renovatio" nella Venezia dell'Umanesimo (1450–1509) // Rassegna. 1982. Vol. 9. P. 25–38.

Beatrice Daskas (Marie Skłodowska-Curie Research Fellow, Ca' Foscari University, Venice)

‘Venetia hebbe principio per la destruction della grande Trogia’. A note on the myth of Venice as *alterum Byzantium*.*

Across the centuries, the capital of the East Roman Empire has always been an ambivalent reference point for Venice. The city’s outward looking for Byzantium, prompted by economic and trade interests, was also driven by a sort of admiration for the heir to and legitimate depositary of the ancient Roman tradition and power. However conflicting, opposing, distant the relationship between the two has been throughout time, the ceremonial, the ritual, certain artistic pageantry combined to eloquent forms of power display demonstrate how decisive the impulse radiating from Constantinople has been to mould the civic and cultural identity of Venice in the crucial moments of its consolidation, during the Middle Ages. Scholars have devoted their researches to such relationship, unfolding, on the one hand, the very many aspects of Venetian byzantinism and on the other, the characteristics of the *rayonnement de Venise* in the Levant. For the purpose of this paper I would like to dwell upon an aspect related to the legends of origin elaborated in the Venetian *milieu*, that has, to the best of my knowledge, not attracted the attention of scholarship, despite its significance to shed light on the ideological association between Venice and Constantinople, or, to put it in terms of the renowned Bessarionean formula, on Venice’s symbolic identification with the *alterum Byzantium*.¹

1. The historical origins of Venice and the development of its civic self-awareness.

In the phenomenology of the so-called ‘myth of Venice’, that nearly inexhaustible repertoire of legends Venetian historiographers and panegyrists told across the centuries to forge the city’s past, the age of initial settlement occupies a central place.² Legends tracing the lineage of ancient settlers in the Venetian area were elaborated side by side with tales explaining when and why these settlers left the mainland to live in the midst of the lagoon’s inhospitable swamps. A tradition among the tales of origin claimed the Gallic origin of Venetian people, while another thread could proudly boast about their illustrious Trojan ancestry. According to the latter tradition, a handful of Trojans, led by the wise counselor to king Priam Antenor, had found refuge in the lagoon after the sack and destruction of their city. Such legends about the earliest foundation of the city, along with the several versions of the myth of Saint Mark’s evangelization of Aquileia and the surrounding area,³ had been devised to

---

* This article is part of the Project *MYRICE*. This project has received funding from the European Union’s Horizon 2020 research and innovation programme under the Marie Skłodowska-Curie G.A. no. 745869.

¹ In a famous letter of 1468 written to the doge of Venice, Bessarion described the city as ‘almost a second Byzantium’ (*quasi alterum Byzantium*). The letter, containing the act of donation of Bessarion’s library to the city of Venice, is published in *Labowsky L.* Bessarion’s library and the Biblioteca Marciana. Rome, 1979. P. 147-149.

² On the myth of Venice see *Fasoli G.* Nascita di un mito // Studi storici in onore di Gioacchino Volpe per il suo 80° compleanno [Biblioteca Storica Sansoni, nuova serie]. I. Firenze, 1958. P. 447-479; *Gaeta F.* Alcune considerazioni sul mito di Venezia // Bibliothèque d’Umanisme et Renaissance. 1961. Vol. 23, P. 58-75; *Id.* L’idea di Venezia // Storia della cultura veneta / ed. by G. Arnaldi, M. Pastore Stocchi. III/3. Vicenza, 1981. P. 565-641; *Miur E.* Civic ritual in Renaissance Venice. Princeton, 1981. P. 13-62.

³ *Peyer H. C.* Stadt und Stadtpatron im mittelalterlichen Italien [Wirtschaft, Gesellschaft, Staat: Zürcher Studien zur allgemeinen Geschichte 13]. Zurich, s.d. P. 8-24; *Tramontin S.* San Marco // Culto dei Santi a Venezia [Biblioteca agiografica veneziana 2] / ed. by Id., A. Niero, G. Musolino, C. Candiani. Venezia, 1965. P. 43-73, esp. 47-58 and bibl. 70-73.

serve Venice's ideological and political purposes throughout the development of its history. In this perspective, the Gallic descent of Venetians, subsumed within humanistic historiography—we find it for example in the *Historiae rerum Venetiarum* compiled by Marcantonio Sabellico around 1487—could account for closer diplomatic ties between Venice and France, around the time of the marriage of Caterina Cornaro with the king of Cyprus, James II of Lusignan (1468).⁴ Much in the same way, the legend of the Trojan origin of the city incorporates, across the centuries, elements that reflect how the city conceptualizes itself with respect to the outer world. Before we proceed to analyze this legend and specifically its implications in our understanding of Venice's symbolic identification with the *alterum Byzantium*, we shall consider its civic 'self-awareness'. How do Venetians think about their city and interact with or classify the world around them?

In their representation of the city, Venetian chronicles agree on two invariable features. First, they put a stress on the original freedom and independence of the city. It is an artificial construction, doubtless unhistorical, which tells a lot about mentality and the cultural structures operating in that civic *milieu*. For the origins of Venice are tied to the course of Italy's history in Late Antiquity, when the city was exposed to systematic incursions of Germanic tribes starting as early as the 5th century and culminating in 476 with the deposition of the western Roman emperor Romulus Augustulus. Romulus' usurper was himself deposed and murdered in 493 by Theoderic the Ostrogoth, who established a kingdom based on Italy. Italy was brought back into the imperial orbit at the time of Justinian, during the Gothic war, when an army lead by general Narses sallied out of Constantinople to reconquer the peninsula. Narses slowly worked his way up the Adriatic and with the support of the coastal cities of the *Venetia*, he was able to overcome the Frankish and Gothic blockade and to deliver Ravenna in 552. By the mid of the 6th century, the *Venetia* and *Histria* provinces, along with the rest of Italy (with the exception of some local resistance), had reverted to the rule of Constantinople and were reinserted into its administrative system. Yet, such security as Italy enjoyed after the Byzantine conquest was destined to be short-lived, as from around 568, another Germanic tribe, the Lombards, who about the time of the death of Theoderic (526) had been settling south of the Danube, began their trek launching an invasion of Northern Italy. Led by their king Alboin, the Lombards advanced into Italy by way of inland *Venetia* and captured a series of cities—Aquileia, Verona, Milano, Pavia, Padova. In this instance, a great number of mainlanders sought refuge in the islands of the Venetian lagoon, turning the area, previously inhabited by itinerant anglers and salt workers, into a permanent settlement. These communities, isolated from inland *Venetia*, developed into the organizational structure of a duchy (*ducato*), which came to form part of the Byzantine exarchate of Ravenna since its creation in 584.⁵ It is therefore against the background of eastern imperial sovereignty and loyalty to Byzantium that we have to understand the historical origins of Venice. It was only with the collapse of the exarchate in 751 that the city could gradually establish itself as an autonomous political entity and claim its own apostolic dignity under the auspices of Saint Mark.⁶ The turbulent period up to the

---

⁴ *Pertusi A.* Gli inizi della storiografia umanistica nel Quattrocento // La storiografia veneziana fino al secolo XVI. Aspetti e problemi / ed. by Id. Firenze, 1970. P. 269-332, esp. 318-319, 331.

⁵ For the history of Venice see *Cessi R.* Venezia ducale, I. Le origini. Padova, 1928. P. 24-25, 30-31, 235-237; *Pertusi A.* L'impero bizantino e l'evolvere dei suoi interessi nell'alto Adriatico // Saggi veneto-bizantini [Civiltà veneziana, saggi 37] / ed. by G. Battista Parente, with an intr. by A. Carile. Firenze, 1990. P. 33-65.

⁶ A legend about St Mark, sent by St Peter to preach in Aquileia, was probably known since the beginning of the 7th century, when Emperor Heraclius sent to the patriarch of the city the so-called *cathedra* of St Mark, thus recognizing the apostolic dignity of the see. The legend emerges in the sources around the mid of the 8th century (e.g. in Paul the Deacon's *Libellus de ordine episcoporum Metensium*, cr. ed. *Pertz G. H.* MGH SS 2. Hannover, 1829. P. 260-270). The translation of the body of St Mark from Alexandria to Venice, at the time of doge Giustiniano Particiaco (828/9), has a

late 10th century, when the *civitas Venetiarum*, caught between the conflicting interests of temporal and spiritual authorities—the Franks, the Byzantines, the Holy See—finally develops into an active player in European and Mediterranean affairs, entails the consolidation of a civic self-awareness based on the main cultural values of freedom and independence.

The second feature Venetian chronicles emphasize about the city is its universalistic aspiration. To a certain extent, this value is already implicit in the praise of Venice's sea transport and trade activities over a long-distance found in the most ancient sources, like the 6th-century letter addressed by Cassiodorus to the maritime tribunes (*tribuni maritimorum*) of the Lagoon.⁷ But it is only from the 13th century onwards that the universalistic aspiration of the city reaches its peak, with the so-called 'Stato da mar', the colonial domain established in the eastern Mediterranean in the aftermath of the Fourth Crusade (1204). Venice rose to the height of a thalassocracy in a gradual manner. The city's power reached a turning point during the second half of the 11th century, when emperor Alexios I Komnenos, short of resources and army, resorted to Venetian help in order to resist the aggression of the Normans on the Dalmatian coast (Durazzo). Venetians had their reward in the form of huge and lucrative concessions, like the freedom to trade their commodities throughout the whole of the empire without payment of any duties and the establishment of a permanent Venetian colony in the area of Perama on the Golden Horn.⁸ By dramatically extending their commercial privileges, the chrysobull issued by Alexios I (1082)⁹ helped ensure the consolidation of a Venetian trade monopoly in the Levant, subsequently boosted by the obtainment of further markets and port of calls thanks to the city's accession to the crusades. Despite the many twists and turns occurring under the reigns of Alexios' successors, John II and Manuel I, Venice was able to consolidate its seafaring trade, up to the Fourth Crusade, when the capture of Constantinople by the Franco-Venetian expedition and the redistribution of Byzantine territories among its participants would have definitively established Venetian supremacy in the eastern Mediterranean. According to the so-called *Partitio imperii Romaniae* and subsequent agreements, Venice was granted strategic control over a number of ports and islands, stretching from the Ionian Sea across the Aegean to the straits, turning *de facto* into the βασιλεύουσα τῶν πελαγέων.¹⁰ Such historical perspective overturns the former framework of allegiance or orderly coexistence, which defines the relationship between the city and Byzantium up at least to Alexios I's reign. Venetian chronicles react to this shift by giving a representation of the events through a prospective glass that skews the historical reality of things.

2. Venice's legends of origin. Troy, Byzantium, Venice.

Both values of independence and universalistic aspiration are transposed into Venice's

---

decisive political and civic importance, as it creates the indissoluble bond linking the saint with the city. See: Peyer. *Stadt und Stadtpatron*. P. 8; Fasoli. *Nascita di un mito*. P. 451-452.

⁷ *Data pridem iussione censuimus ut Histria vini, olei vel tritici species, quarum praesenti anno copia indulta perfruitur, ad Ravennatem feliciter dirigeret mansionem. Sed vos, qui numerosa navigia in eius confinio possidetis, pari devotionis gratia providete, ut quod illa parata est tradere, vos studeatis sub celeritate portare. Similis erit quippe utrisque gratia perfectionis, quando unum ex his dissociatum impleri non permittit effectum. Estote ergo promptissimi ad vicina, qui saepe spatia transmittitis infinita. (...): Magnus Aurelius Cassiodorus. Variarum Libri XII / Corpus Christianorum Series Latina 96 / ed. by A. J. Fridh. Turnholti, 1973, XII, ep. 24, P. 491.1-10.*

⁸ Nicol D. M. *Byzantium and Venice: A Study in Diplomatic and Cultural Relations*. Cambridge, 1988. P. 56-61.

⁹ *Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit besonderer Beziehungen auf Byzanz und die Levante [Fontes Rerum Austriacarum, Diplomataria et acta, XII] / ed. by G. L. Tafel, G. M. Thomas / I. Wien, 1856. No. XXIII, P. 50-54.*

¹⁰ Nicol. *Byzantium and Venice*. P. 148-165.

legends of origin according to rhetorical strategies that cope with its political and ideological orientations. The ‘myth of Venice’, that influential representation of the city chronicles elaborate across the centuries, dissimulates a need for cultural specification and for self-identification models that reflect Venice’s changing aspirations over time. In this respect, particularly remarkable are the comparisons drawn between Venice and most illustrious cities, like Troy, Rome, Jerusalem, Athens, Sparta, in the attempt to raise the prestige of the city’s lineage and to cast its glorious trajectory onto the providential plan of history. Within this context, there is also room for Byzantium. As elusive as it might be, Byzantium has an autonomous role in the constitution of Venetian mythology, at least from the 13th century, as a predictable reaction to the events of the Fourth Crusade. Since then, the capital of the Byzantine Empire became Venice’s obvious self-identification model, and the equivalence would have been further reinforced by legal definition, as the Doge claimed for himself the title of *dominus quarte partis et dimidie totius imperii Romanie* (‘lord of the fourth part and a half of the whole Roman empire’).¹¹ We can still appreciate the *rayonnement* of that ideological model more than three centuries after the events of the crusade, in a note by the historian of the *Serenissima* Fortunato Olmo:¹²

Era dunque il Doge Imperatore romano, per ciò che dopo che da Costantino fu trasferito l’impero da Roma vecchia a Costantinopoli, fu da lui istesso questa città detta con altro nome Roma nuova [...]. (E)ssendosi assegnata la sola quarta parte all’Imperatore, e al Doge una e mezza, era dunque più imperatore il Doge di Venezia che l’Imperatore Balduino istesso [...].”

The Doge was therefore emperor, since after Constantine the empire was transferred from the old Rome to Constantinople, and by the same <emperor> this city was named New Rome. Because only one fourth was assigned to the emperor and one and a half to the Doge, the Doge of Venice was therefore more emperor than the emperor Baldwin himself [...].

By virtue of an ironic twist, the city that was originally within imperial orbit was claiming for itself sovereignty over the βασιλεύουσα τῶν πόλεων.

Not only has the outcome of the crusade had an impact over Venetian historiography, but it has also affected mythological writing, especially the legends of the city’s origins. All these legends are transmitted in historical chronicles as a prologue to the narration of the events of Venetian history. Since their early beginnings, chronicles have been reflecting a high degree of ideologization, in other words they show the concerns of a state historiography: they are characterized by an unconditional praise of the city’s institutions and they tend to legitimize its dominion over the sea.¹³ The account of Venice’s origins unveils the purpose to support the city’s ideals and pressing interests. This is the case of the 11th-century *Chronicon Venetum* attributed John the Deacon, in which the narrative, even without any special mythological elaboration, reflects the city’s claim to the original independence of its first settlements and, through the legend of Saint Mark and the manipulation of a handful of historical episodes, the autonomy of its ecclesiastical jurisdiction over the rival Aquileia.¹⁴ In this

¹¹ See *infra*.

¹² *Archivio di Stato di Venezia*. Miscellanea di carte non appartenenti a nessun archivio. b. 9, 12 (published in *Carile A.* La Partitio terrarum Imperii Romanie del 1204 nella tradizione storica dei veneziani // *Rivista di Studi Bizantini e Neocellenici* n.s. 1965-1966. Vol. 2-3, P. 167-179, esp. 177).

¹³ See *Carile A.* Aspetti della cronachistica veneziana nei secoli XIII e XIV // *La storiografia veneziana fino al secolo XVI. Aspetti e problemi* / ed. by A. Pertusi. Firenze, 1970. P. 75-126, esp. 81.

¹⁴ See *Carile A., Fedalto G.* Le origini di Venezia [Il mondo medievale, *Studi di storia e storiografia*, Sezione di storia bizantina e slava, 1]. Bologna, 1978. P. 55-57.

early chronicle, Venice's ties to Byzantium are elusive, but this is also true for the relationship with the Franks, overlooked in favor of a narrower perspective on Venetian matters.¹⁵

The idea about the origins of the city goes through a radical change with the so-called *Chronicon Altinate* or *Chonicon Gradense*, a patchy historical record handed down to us in three different redactions, whose dating falls between 1081 and 1204.¹⁶ This chronicle is the first to ascribe to the city of Venice a Trojan origin. It is a good example of how the account of the city's origins can be adapted to imminent interests and orientations. In a section that belongs, according to its editor, to the second redaction of the text, dated approximately between 1145 and 1180,¹⁷ the legend starts with the description of *Venetia prima* inhabited by Trojans refugees, fleeing from their destroyed homeland to the shores of Italy. While Aeneas sails to southern Italy, at the same time Antenor heads on to the high Adriatic coast, entering first the lagoon, and then proceeding on to founding the mainland city of Aquileia:¹⁸

Eneas cum quatuordecim galeis triremis Troia profugus in Italiam properans, austro surgente, maris fluctus immerguntur et ab imo gurgitis lapsi ad superiora levantur. Galee dividuntur et socii separantur; filius a patre, frater a fratre sequestrantur. Eneas cum quatuordecim galeis insulam cervorum applicuit: Anthenor autem in litore lacum intravit cum septem galeis, ibique civitatem Aquilegia nomine, idest aquis ligata, edificavit.

After having placed emphasis upon the simultaneity of Aeneas' and Antenor's migration strands, the account proceeds with the founding of the *Venetia maritima* or *secunda* by the descendants of the Trojans that sought refuge in the lagoon to escape Attila's threat. Within this context, Venice's origins are elaborated in a way to state the freedom of the city from any external authorities.¹⁹ The claim to independence justifies why Byzantium should reward the city with maritime concessions in order to obtain its military aid in case of conflict.²⁰ The chronicle reshapes the historical reality—the concession of privileges by Alexios Komnenos for Venetian loyalty against the Normans—for creating an interpretation of the city's past consistent with the ideals of Venetian sovereignty.

By the mid of the 13th century, the narrative fabric of the legends concerning the city's origin is fully woven. The predominant themes are: the migration and settlement of fugitive Trojans in the *Venetiae*, the preaching of the evangelist Mark in Venice, and the invasion of the king of the Huns Attila. Each strand is developed to establish respectively the city's primeval existence, to legitimate local ecclesiastical privilege and to justify its 'duplication' with the founding of the *Venetia secunda* in the lagoon.²¹ From the following century onwards, the number of Venetian chronicles raises considerably. The historiography of this period mirrors the exceptional metamorphosis Venice underwent after the consolidation of its maritime leadership in the Eastern Mediterranean. The

¹⁵ Fasoli G. I fondamenti della storiografia veneziana // La storiografia veneziana fino al secolo XVI. Aspetti e problemi / ed. by A. Pertusi. Firenze, 1970. 11-44, esp. 22-25.

¹⁶ Ed. cr. Cessi R. Origo civitatum Italiae seu Venetiarum (Chronicon Altinate et Chronicon Gradense). Roma, 1933.

¹⁷ Ibid., P. XXVI.

¹⁸ Ibid., P. 7.32-33.

¹⁹ The following are the eloquent words Venetians address to an imperial emissary sent to the lagoon in order to inquire into Narses' misgovern in Italy: *Secunda Venetia, que nos orta in paludibus aque habemus, quia mirabili est habitacio videre, quod nullus in mundo nisi per navigium, cuius est potestas, nulla ob eorum sumus nos dubitaturi, nec apprehensi, nec possessuri non ab imperatore, non a regibus, nec nullis mondialibus principibus (...).* Cessi. Origo civitatum. P. 80.3-12.

²⁰ Ibid., P. 80.22-26.

²¹ Carile-Fedalto. Origini. P. 65.

legends of origin are reshaped according to the new hegemonic aspirations of the city. It is in this context that Byzantium, disguised for obvious reasons of convenience, is inserted into the framework of Venice's civic mythology. A number of related anonymous compilations indirectly descending from a common 13th-century archetype are particularly eloquent to sense the actual influence of certain historical events on the recreation of the city's past. The texts into question belong to a group of chronicles of the mid of the 14th century labelled respectively *A latina*, an anonymous compilation from the origins of Venice up to 1342, and *A volgare*, a reworked translation, in vernacular language, of a text close to the preceding one, which goes up to 1361.²² These texts contain a description of the partition of the provinces of the empire among the participants to the Fourth Crusade in 1204. In fervently patriotic tones, they indulge upon the endeavor that made the Venetian state flourish like never before.²³ Here, the narrative about the mythical origins of Venice proceeds as follows:

A latina

(Carile, *Cronachistica*, P. 225.1-6)

Predecessorum nostrorum auctoritate testante equidem ante constitutionem urbis Venetiarum presentis, altera Venetia fuit de qua stilo historiographo memoriam facit antiquitas, et ab Antenore, subversionis Troie temporibus, primordium describitur assumpsisse.

Troie autem captivitate III^M CC VI (4206) annis a creatione mundi decursis, auctores veteres fuisse componunt.

A volgare

(Carile, *Cronachistica*, P. 235.23-27)

Secondo che dise e nara li nostri maçori antichi el fo do Venexie: la prima si fo quella dela qual se raxona in le antiche istorie, la qual so principio fo de Antenore e questo fo in lo tempo dela destruçion dela grande Troia, la qual destruçion fo in III^M CCVI* dela creaçion del mundo infina quel tempo.

* III^M CCVI] M^o ii^c VI dalo comenzamento: Cod. Marc. It. VII, 2051 (= Z 8271)

The two parallel texts, one the vernacular version of the other, distinguish two *Venetiae*, one of which founded by Antenore at the time of the destruction of the great city of Troy. Within this framework, a most telling detail is the date established for the city's founding, *i.e.* 4206 years after the creation of the world. The time reference is crafted in a way to bear the memory of a supposed primeval chronology of the world, in order to give the city a place in universal history. However, the date selected reveals far more than a simple reference to the world's creation. A '*lapsus calami*' occurring in one of the oldest witnesses transmitting the vernacular version of the story (*A volgare*)—the Cod. Marc. It. VII, 2051—²⁴ provides the key to unlock the actual significance of the date. In that version, the starting point of Venice's history is 1206: the same year, Doge Pietro Ziani (1205-1229), for the first time in official documents, adds to his title that of *dominus quarte partis et dimidie totius imperii Romanie*, thus inaugurating a new era in the city's historical relationship with Byzantium.²⁵ The city is now sovereign over territories of the former Byzantine empire, and the account of its past is adapted by integrating this new parameter into its legendary origins. The time reference has obviously a

²² *A latina* (c. 1344): Carile A. *La Cronachistica Veneziana (secoli XIII-XVI) di fronte alla spartizione della Romania nel 1204*. Firenze, 1969. PP. 6-7; *A volgare* (c. 1350): *Ibid.*, PP. 7-15.

²³ *Ibid.*, P. 184.

²⁴ Carile. *La Cronachistica Veneziana di fronte alla spartizione della Romania*. P. 235.

²⁵ *Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit besonderer Beziehungen auf Byzanz und die Levante [Fontes Rerum Austriacarum, Diplomataria et acta, XIII]* / ed. by G. L. Tafel, G. M. Thomas / II. Wien, 1856. No. CLXIV, P. 4.

significant role in reshaping the narrative of the Trojan founding of Venice: here, Troy becomes a metaphorical figure that hints at Constantinople and its destruction at the events of the Fourth Crusade. Not only, then, the Trojan legacy transfuses Venetian blood with the nobility of the aristocratic warriors who found refuge in the lagoon after the sack of their city, but also with their imperial prerogatives as heirs of the βασιλεύουσα τῶν πόλεων. In the tradition of these groups of chronicles, the Trojan theory is therefore ideologically loaded with a specific political significance. Once more, the account of Venice's origins is adapted to the city's changing ideological orientations, this time towards Byzantium.

Throughout the centuries, Venice's view of its origins has consisted in the remolding of significant moments of its past into legendary accounts. During the 14th century, the representation of Venice develops into a portrait that reflects the city's new hegemonic ambitions as a maritime power in the Eastern Mediterranean. The mythological narrative is adapted accordingly, and Constantinople, the city's natural point of reference in the aftermath of 1204, is cast onto the legendary plan, but disguised by way of ingenious rhetorical artifices. Although Venice's identification with Byzantium is typically considered a creation of the Quattrocento, when the city could claim to be the lineal heir of Eastern Roman political and cultural greatness as the empire dissolved after 1453,²⁶ Venetian chronicles are clearly aware of its rudiments half a century before, as a consequence of the historical events of the fourth crusade. We shall therefore point to that moment as crucial in the creation of Venetian civic consciousness as *alterum Byzantium*.

---

²⁶See *Tafari M.* La "Nuova Costantinopoli". La rappresentazione della "renovatio" nella Venezia dell'Umanesimo (1450-1509) // *Rassegna*. 1982. Vol. 9, P. 25-38.

Оглавление

<i>Пол Магдалино</i> Каппадокия и Константинополь в VI в. (пер. О. Керзиной, А. Ляхович, Н. Сергеевой).....	10
<i>Альбрехт Бергер</i> «Переработка» Константинополя (пер. С. Матюниной, М. Пономаревой).....	25
<i>Халюк Четинкая</i> Погребальные компартименты в монастыре Пантократора	47
<i>Филипп Нивенер</i> Христианское искусство как провинциальное. «Центральность» провинциальных традиций в раннехристианских церковных постройках (пер. М. Володарского, Д. Ерофеевой, М. Журавлевой, А. Торрес-Горбенко).....	57
<i>Андрей Виноградов</i> Афонский храм или арабский дворец? Крестово-купольный триконх и новая архитектурная идентичность империи	91
<i>Михалис Каппас</i> Архитектурный «идиолект» Фессалоники в средне- и поздневизантийские периоды: сходства и различия с Константинополем (пер. В. Махмутова, И. Орловой, А. Старцевой)	127
<i>Анна Захарова</i> Искусство X века: Константинополь и Каппадокия	154
<i>Толга Уяр</i> Рельефы, росписи и надписи в поздневизантийском сакральном пространстве: новое открытие Безирана Килисе (Перистрема, Каппадокия) (пер. А. Вотевой, Н. Пелезневой, Е. Плотниковой)	175

<i>Сергей Иванов</i> Антоний Новгородец и его экскурсовод в Константинополе	203
<i>Беатриче Даскас</i> «Venetia hebbe principio per la destrution della grande Trogia». Миф о венеции как <i>Alterum Byzantium</i>	236
<i>Дмитрий Черноглазов</i> Письмовники и собрания образцовых писем: эпистолярная теория в эпоху Палеологов	250
Резюме	282
Summaries	289
Список иллюстраций	295

ВИЗАНТИЙ И ВИЗАНТИЯ:
провинциализм столицы и столичность провинции

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *Е. Г. Орловский*
Корректор *Д. Ю. Былинкина*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»

Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,
e-mail: fempro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532

Редакция: тел. (812) 577-48-72, e-mail: aletheia92@mail.ru,
191015, г. Санкт-Петербург, ул. 9-ая Советская, д. 4, офис 304

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97
«Фаланстер», М. Гнездниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru

в Киеве:

«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Трэгросс-Бук», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.

Тел. +37 517 338 95 23, www.tregross.com

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Тел. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»

Rīga, Кг. Varona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88¹/₁₆. Усл. печ. л. 0,00. Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Заказ №

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ

в Санкт-Петербурге:

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»
Санкт-Петербург, Литейный пр., 57 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 273 50 53 www.podpisnie.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ВСЕ СВОБОДНЫ»
Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 23 (с 12:00 до 22:00)
8 (911) 977 40 47 www.vse-svobodny.com
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ»
Санкт-Петербург, Невский пр., 66 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 640 44 06 www.lavkapisateley.spb.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «СЛОВО»
Санкт-Петербург, ул. Малая Конюшенная, 9 (с 11:00 до 20:00)
8 (812) 571 20 75, 8 (812) 312 52 00 www.slovo.net.ru
.....

**ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ «НЕВСКИЙ, 177»**
Санкт-Петербург, Невский пр., 177 (с 10:00 до 20:00)
8 (812) 643 77 43 www.vk.com/dpcspbe
.....

в Москве:

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА»
Москва, ул. Тверская, д. 8, стр. 1 (с 09:00 до 24:00)
8 (495) 629 64 83, 8 (495) 797 87 17 www.moscowbooks.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ФАЛАНСТЕР»
Москва, Малый Гнездиновский пер., 12/27 (с 11:00 до 20:00)
8 (495) 749 57 21, 8 (495) 629 88 21 www.falanster.su
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ЦИОЛКОВСКИЙ»
Москва, Пятницкий пер., 8 (с 11:00 до 22:00)
8 (495) 951 19 02 www.primuzee.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «БУКВЫШКА»
Москва, ул. Мясницкая, 20 (пн. –пт. с 10:00 до 20:00, сб. с 10:00 до 19:00)
8 (495) 621 49 66, 8 (495) 628 29 60 www.bookshop.hse.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «БИБЛИО-ГЛОБУС»
Москва, Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1 (пн.–пт. с 9:00 до 22:00, сб.–вс. с 10:00 до 21:00)
www.biblio-globus.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «У КЕНТАВРА»
Москва, ул. Чайнова, 15 (пн.–пт. с 10:00 до 19:30, сб. с 10:00 до 17:00)
8 (495) 250-65-46 www.rsuh.ru/kentavr

в Минске, Киеве, Варшаве, Риге:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ЭПОСЕРВИС»
Минск, ул. Казинца, 123, оф. 4
+375 17 338 95 23 www.tregross.com

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНЫЙ БУМ»
Киев, Вербовая ул., 8 (вт.–вс. с 11:00 до 17:30)
+38 067 273-50-10 www.academbook.com.ua

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН при «Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego w Warszawie»
Ptasia 4, 00-138 Warszawa
+48 22 826 17 36 www.jezykrosyjski.com.pl

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «Intelektuāla grāmata»
Kr. Barona iela 45/47, Rīga (пн.–пт. с 10:30 до 19:00, сб. с 11:00 до 18:00)
+371 67315727 www.merion.lv

Электронные книги:

ДИРЕКТ-МЕДИА www.directmedia.ru
ЛИТРЕС www.litres.ru

Интернет-магазины:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА» www.moscowbooks.ru
OZON www.ozon.ru
NATASHA KOZMENKO BOOKSELLERS www.nkbooksellers.com
ESTERUM www.esterum.com
БУКВОЕД www.bookvoed.ru
ЧИТАЙ ГОРОД www.chitai-gorod.ru
MY-SHOP.RU www.my-shop.ru
КНИЖНЫЙ БУМ www.academbook.com.ua

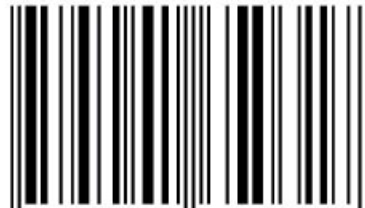

Коллективный труд
«Византий и Византия:
столичность провинции
и провинциальность
столицы» посвящен
проблеме взаимоотношений
и взаимовлияний
Константинополя
и византийских провинций
и подготовлен на основе
докладов одноименной
конференции 2017 г.

Представленные работы
ведущих мировых ученых
из России, Германии,
Великобритании, Италии,
Греции и Турции затрагивают
вопросы политической
истории, архитектуры,
живописи, литературы,
топографии и др.

ISBN: 978-5-00165-031-7

9 785001 650317

ПРОВИНЦИАЛИЗМ СТОЛИЦЫ
И СТОЛИЧНОСТЬ ПРОВИНЦИИ

ВИЗАНТИЙ И ВИЗАНТИЯ •